

«Хотелось бы встретиться на страницах вашей газеты с народным артистом СССР Ростиславом Пляттом»...
(К. Спешина, Пермь).

Наш корреспондент Т. Громова встретила с народным артистом СССР Ростиславом Яновичем ПЛЯТТОМ.

— Вами сыграно много ролей в театре и кино. Но в этом разнообразии совершенно четко прослеживается образ интеллектуального, совестливого, принципиального человека, как сказал, чеховского толка. Как вы от комических ролей юности пришли к этим героям, к героям Чехова, Шоу?

— Мне кажется, комические роли юности, в которых меня увлекала возможность острых решений, буффонады, гротеска, внешнего перевоплощения (а ко всему этому я с театрального детства неравнодушен), закономерно уступили место ролям, где захотелось сосредоточиться на жизни человеческого духа, на внутреннем мире роли. Означенного процесса тут не было.

родил, а роды были мучительными. Люблю эту роль за ту полноту слияния с образом, которую я впервые ощутил в этой работе.

Затем Аркадий Бурмин из пьесы Константина Симонова «Парень из нашего города», великолепно поставленной И. Н. Берсеневым в Московском государственном театре имени Ленинского комсомола в 1941 году. К этому времени я уже был актером с 14-летним стажем, сыгравшим много самых разнообразных ролей, но ни одной — положительной! И вот Бурмину, хирургу, военврачу, обаятельнейшей фигуре, я отдал всю свою душевную нежность.

И, наконец, уже упомянутый мною Тапер. Это персонаж одноименного рассказа Чехова. По сути дела, это 20-минутный трагический, я бы сказал, монолог музыканта, его душевная исповедь, история таланта, задушенного сре-

от частого употребления звучит — увы! — как некое обещание. А между тем для нас это не проходная фраза, а крик души, насущнейшая необходимость, мало утоляемая! Ведь искусство наше не существует вне контакта со зрительным залом, а наибольший контакт может быть достигнут только в спектакле, посвященном современности, говорящем зрителю о чем-то для него сокровенном, насущно важном! Говорю это, основываясь на личном опыте, вспоминая реакцию зрителей на того же «Парня из нашего города».

Только — подчеркиваю это — хорошую роль, в хорошей современной пьесе, а не в тех поделках, где автор является иждивенцем темы, которые нет-нет, да и приходится играть в бесплодной надежде создать нечто ценное. А вот со смертью Н. Погодина, с уходом из драматургии Константина Симонова, А. Крона,

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

РОСТИСЛАВ ПЛЯТТ

Просто с годами я менялся как человек и, следовательно, как актер

Появление Чехова в моем репертуаре естественно, потому что это писатель, к которому я отношусь с особой, я бы сказал, благоговейной нежностью. Я имею возможность несколько вечеров в месяц существовать в образном мире Шоу, играя Цезаря в его пьесе «Цезарь и Клеопатра» и самого Шоу в «Милосердии». Согласитесь, что это актерское счастье, и я хочу, чтобы оно продолжалось по-прежнему.

Однако если с Шоу я не расстаюсь и сегодня, то встречи с Чеховым далеко позади — так сложился репертуар. И я безмерно горжусь по двум чеховским образам: Тапере и Жорже Войничем в «Лешем».

— Ростислав Янович, расскажите, пожалуйста, как складываются ваши новые роли? Как вы работаете над ними?

— Вопрос на который ответить вообще трудно, а в рамках газетного регламента просто невозможно. И, когда я читаю длинные интервью, где бойко излагается стройная система актерских поисков, меня всегда охватывает подозрение, ибо, на мой взгляд, этот процесс описать нельзя — тут есть что-то личное, интимное. Одно могу сказать: всякий раз — по-новому, в зависимости от роли, от автора, от задач данного спектакля... И всякий раз с каким-то школьным самочувствием начинаю — не знаешь, как решить задачу.

— Ростислав Янович, есть ли среди молодых актеров такой, которого вы хотели бы взять себе в партнеры (партнерши) или ученики, о котором вы могли бы сказать: здорово работает, я так не могу?

— «Здорово работает, я так не могу» — это я неоднократно думал применительно к коллективу театра «Современник» и, в частности, глядя, как они играют в спектакле «Большевики».

— Какая из сыгранных вами ролей любимая?

— Их три, самых любимых. Плохо одно — они в далеком прошлом. В хронологическом порядке это выглядит так: Эдуард фон-Ранкен, весьма страшная фигура из пьесы Л. Андреева «Дни нашей жизни», сыгранная в 1938 году, когда театр Завалдского работал в Ростове-на-Дону. Я сохраняю вечную благодарность учителю моему и режиссеру Юрию Александровичу Завалдскому, без помощи которого я бы эту роль не

Фото А. КУЗИНА.

дой. Рассказ этот по инициативе Ю. А. Завалдского был инсценирован режиссером М. Г. Ратнер и включен в спектакль-концерт, которым Театр имени Моссовета в 1944 году отпраздновал 10-летие своего основания. Я с Ратнером вспоминаю, как могли, нутро вещи, а затем Юрий Александрович придал этому совершенно спланированную форму. Она настолько выражала содержание, что мизансценой сразу же включала меня в атмосферу этого первого и многословного отрыва.

Мне повезло: я, пожалуй, никогда не знал репертуарного голода, и я люблю играть те роли, которые сегодня составляют мой репертуар. — и Раевича в «Шторме» В. Билья Белоперковского, и Небогатову в пьесе А. П. Штейна «Аполло-сменты», и президента в «Бунте женщин» Н. Хикмета и В. Комиссаржевского, и две роли Шоу, о которых говорил выше... Но иногда я с грустью задаю себе вопрос: удастся ли мне еще раз испытать то чувство любви к роли, которое, по разным причинам, испытываю вот к тем трем, оставшимся там, в прошлом!

— Кого хотелось бы вам, Ростислав Янович, сыграть сейчас?

— Тут я предельно неоригинален: хорошую роль моего современника в хорошей советской пьесе. Вы, надо полагать, часто встречали эту фразу, беседуя с моими коллегами обоим пола, и фраза эта

Л. Леонова (хочется надеяться, что с уходом временным) шансы на хорошие роли соответственно уменьшились. О чем и скорбим.

— Больше сорока лет вы встречаетесь со зрительным залом. Изменился ли зритель? Как? Нравится ли вам современный зритель?

— Неизмеримо выросший культурный уровень нашего зрителя — факт, не требующий комментариев. Но зритель — понятие дифференцированное. Есть зрители всеядные, случайные для сегодняшнего спектакля. А есть такие, которые специально ходят на данный спектакль или в данный театр. Вот эти — мои друзья!

— Как вы относитесь к своим поклонникам? Изменились ли они за эти годы?

— Так как я не генерал и не герой-любовник, я склонен заменить слово поклонники более спокойной формулой, скажем: зрители, интересующиеся моей творческой жизнью на сцене, экране, телевидении или на радио. Такие зрители есть. Должен сказать, что мы, характерные актеры, сильно уступая актерам, играющим красивые роли, в количестве таких зрителей, вытравываем зато в их качестве, ибо если уж нами интересуются, то не в аспекте «зоологическом» (голос, фигура), а так сказать, по делу. Я с интересом и уважением отношусь к этим зрителям, с любопытством читаю их письма, с удовольствием беседую с ними на специальных встречах и встречах случайных. Но эти зрители тоже неоднородны. У одних ты можешь чему-то научиться, по отзывам других — можешь исправить изъяны в роли, замечания грехов могут просто развлечь или огорчить тебя, как курьезные или ошибочные. Но всех объединяет одно: неистребимая любовь к театру, которая сегодня, в 1969 году, кажется мне никак не меньшей, чем в годы моего театрального детства.

Очевидно, для многих и многих театр все еще остается школой жизни, а главное, тем местом, где зритель, так сказать, из рук в руки, сегодня, здесь, сейчас получает все то, что хочет отдать ему актер. Было бы что отдавать. Вот почему так мечтаем мы о пьесах с живым пульсом современности, наполненных той высокой духовностью, которая в сочетании с партийной страстностью и идейной направленностью воплощается в ярких и сильных образах.